В.С. Попова*

РУССКИЕ УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ФИЛОСОФЫ
РУБЕЖА XIX–XX вв. О ВРЕМЕНИ:
ОПЫТ ФИЛОСОФСКОГО РАЗГОВОРА**

В статье рассматриваются различные контексты философских разговоров о времени в русской университетской философии рубежа XIX–XX вв. Автор очерчивает круг вопросов, внутри которого требовалось раскрытие феномена времени: проработка парадигмы Канта, метафизические поиски, обсуждение природы субъекта познания, сверхвременной природы личности, вопроса о данности «другого Я» и т. д. Одним из главных факторов, актуализировавших тему времени в философской рефлексии, по мнению автора, выступает становление психологической эпистемологии в России.

Ключевые слова: русская философия, И. Кант, время, Н.Я. Грот, Г.И. Челпанов, А.И. Введенский, М.И. Каринский, Б.Н. Чичерин, С.И. Поварнин, Н.О. Лосский

Russian university philosophers of the late XIXth and early XXth century on time: an attempt of philosophical dialogue. VARVARA S. POPOVA (Immanuel Kant Baltic Federal University)

The article discusses the various contexts of philosophical discussions on the phenomenon of time among Russian university philosophers of the late XIXth and early XXth century. The author outlines a range of topics, for which the analysis of this phenomenon was crucial. Among them is the elaboration of Kant's paradigm, metaphysical search, discussion on the nature of the subject of cognition, on the super-temporal nature of personality, on the reality of the "other Self", etc. According to the author, one of the main factors that actualized the issue of time in the philosophical reflection was the making of psychological epistemology in Russia.

Keywords: Russian philosophy, I. Kant, time, N.Ya. Grot, G.I. Chelpanov, A.I. Vvedensky, M.I. Karinsky, B.N. Chicherin, S.I. Povarnin, N.O. Lossky

В конце XIX – начале XX вв. представителями русской университетской философии был опубликован целый ряд работ, посвященных целиком или частично проблеме времени. Темпоральные размышления отталкивались от Кантовой доктрины, а философские дискуссии

разгорались в связи с тем или иным ее пониманием и переходили к обсуждению априоризма. В свою очередь, выражение отношения к учению об априорных формах чувственности было необходимо русской университетской философии в силу специфики самой философ-

* ПОПОВА Варвара Сергеевна, кандидат философских наук, доцент Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта.

E-mail: varyud@mail.ru

© Попова В.С., 2019

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 19-011-00302а.

ской жизни, поскольку шла выработка самостоятельных логико-гносеологических, психологических и методологических подходов. Среди таковых можно назвать исследования Н.Я. Грота, М.И. Каринского, А.И. Введенского, Г.И. Челпанова, Б.Н. Чичерина, Н.О. Лосского и других. Многие существенные вопросы построения их концепций зависели от трактовки времени. При этом если даже Кантово учение о времени и принималось в сущностных своих положениях, то все же не безоговорочно, оно требовало проработки в диалогах, которые позволяли лучше его понять и осмыслить в контексте новых задач формировавшихся философских и психологических учений. Очень ярко эта тенденция выразилась, например, в дискуссии М.И. Каринского с А.И. Введенским, о которой будет сказано далее. Таким образом, проблема времени стала отдельной темой для «философского разговора».

В работах о времени просматривался внутренний диалогизм с Кантом, как бы предвосхищавший методологические последствия успешного уточнения или оспаривания учения об априорных формах чувственности. Какие же положения Канта о времени входили в круг обсуждений? Прежде всего, это утверждение о том, что время является способом упорядочивания в душе представлений, что оно – форма внутреннего созерцания: «Итак, время есть лишь субъективное условие нашего (человеческого) наглядного представления (которое всегда существует в чувственной форме, т. е. поскольку мы подвергаемся воздействию со стороны предметов) и само по себе, вне субъекта, есть ничто» [5, с. 87]. И если времени нет в смысле его объективного существования (хотя оно никоим образом не может быть оторгнуто от существования субъекта), то может ли этот познающий субъект иметь доступ к Вечности? Основной вопрос для русских философов – эпистемологический (и вместе с тем – архиважный мировоззренческий): открывает ли Кантово учение о времени новые познавательные горизонты или заключает субъекта пленником в самом себе безо всякой надежды и возможности выхода к Абсолюту?

Одним из самых обстоятельных текстов по проблеме времени рассматриваемого периода является работа Н.Я. Грота «О времени» (1894). Статья вышла в трех частях в «Вопросах философии и психологии» [2; 3; 4]. Причем нельзя сказать, что это исследование вызвало особен-

ный резонанс¹, хотя можно было бы ожидать, что такая объемная критика Кантова учения о времени не оставит равнодушными его защитников-кантианцев, например, А.И. Введенского. Но тот, по всей видимости, был занят полемикой с М.И. Каринским.

Грот начинает свои размышления с фиксации актуальности темпоральной проблематики в методологическом плане, ведь трактовка природы времени имеет решающее значение для судеб психологии и метафизики [3, с. 248]. Следует упомянуть, что в конце XIX в. при изучении душевных явлений психология развивалась в двух направлениях: психофизиологическом (натуралистическом) и метафизическом (антинатуралистическом). Размышляя о задачах и перспективах психологии, П. Соколов в 1893 г. пишет: «Вопрос об отношении психологического исследования к метафизическим проблемам есть больное место современной психологии, и может быть правы те психологи, которые предпочитают совсем не бередить его» [10, с. 41]. Н.Я. Грот относился к числу тех исследователей, которые видели перспективы психологии исключительно в раскрытии предельных оснований бытия души и ее связи с миром. Поэтому значимость темы времени представляется ему всеобъемлющей: «Ясно, что в основе современного мирозозерцания ... лежит определенное учение о времени как форме познания всякого бытия, существования и как условия всякой реальности» [3, с. 250]. Необходимость размышлений о времени не только потому злободневна, что может получить новое раскрытие в связи с достижениями естествознания и экспериментальной психологии, но и потому, что это размышление обращено к Вечности. Современный философ и психолог должен отважиться иметь с ней дело. Грот солидарен с Платоном в том, что задачей философского знания является «отрешение от условий времени, проникновение в сферу вневременного, вечного, неизменного бытия, лежащего в основе всего переменчивого, переходящего...» [3, с. 250]. Кант в этом смысле, по мнению Грота, сделал величественное усилие по примирению эмпирической науки и метафизики, но его концепцию Николай Яковлевич

¹ Фактически в 1896 г. в Херсоне об этой статье была опубликована брошюра Ю.А. Айхенвальда «Метафизика и логика. По поводу статьи проф. Грота "О времени"» в 72 страницы, а также рецензия в № 8 журнала «Русская мысль» за 1894 г.

характеризует при всей ее гениальности как «тяжеловесное здание понятий», «исторический памятник германской философской готики», при этом «главный грех Канта заключается в его учении о времени» [3, с. 252], в нем Грот усмотрел ряд противоречий. Разбирая формулировки Канта с логической точки зрения, Грот решил, что Кант, с одной стороны, называет пространство и время «воззрениями» (созерцаниями), но, с другой стороны, пытается объяснить их как понятия, поскольку в текстах Канта они даются через перечисление существенных родовых и видовых признаков – так логически задаются именно понятия. Кроме того, по мысли Грота, представления нельзя определять понятиями, а только описывать при помощи образов. Это возражение упоминает Введенский и разъясняет, что в языке Канта (в философском языке немцев) понятие – это и есть общее представление. В подстрочнике к статье Введенского Грот как редактор незамедлительно отвечает на это возражение: он, как и Кант, имел право определять понятие по-своему и предпочел употреблять наиболее верное определение, принятое в логике [1, с. 649–650]. Но все же, если Кант характеризует время как понятие, сам не сознаваясь в этом, то наличие противоречивых признаков в содержании этого понятия ставит под вопрос состоятельность его содержательной трактовки времени². Поэтому на следующем этапе разбора Грот реконструирует определение Канта, беря характеристики времени из разных мест «Критики чистого разума»: «Время есть непосредственно-необходимая субъективная и априорная форма внутреннего опыта, восприятия явлений душевных, самих представлений о вещах...» [3, с. 259]. Пространство же – априорная форма внешнего опыта, на том основании, что Кант отождествляет внешнее и протяженное. А это, по мысли Грота, является ошибкой, ведь, например, чужие душевные состояния, мысли, желания – внешние, но не протяженные.

Главное и, как казалось Гроту, новое, что он хотел получить в результате своих критических выкладок «О времени» – это понимание времени как формы восприятия явлений *одновременно внутреннего и внешнего опыта*, не приложимой к самой упорядочивающей все во времени

мысли. Самосознание вневременно, оно само творит время, но ему не подчиняется. Этим Грот хотел достичь амбициозных перспектив для метафизики и психологии. Ведь если падет «предрассудок Канта о времени как форме внутренней интуиции», то через это приходит уразумение безвременной природы духа, а через нее – единой субстанции мира, т. е. Бога [4, с. 492–493].

Еще один философский разговор о времени – полемика А.И. Введенского и М.И. Каринского об интерпретации понимания времени у Канта. Я имею в виду обмен критическими статьями после выхода работы Каринского «Об истинах самоочевидных» (1893). Данная полемика происходила в 1894–1896 гг. на страницах «Журнала Министерства народного просвещения» и «Вопросов философии и психологии». А.В. Шевцов рассматривает это столкновение мнений как своеобразное соперничество представителей двух профессиональных философских школ – университетской, которую представлял зав. каф. А.И. Введенский, и духовно-академической, которую представлял М.И. Каринский [14, с. 159].

Размышляя о самоочевидном, Каринский выдвигает целый ряд возражений по поводу априоризма Канта и, в частности, выступает против его трактовки времени. Одна из существенных претензий – «Кант “требовал” признать как константу понятие “априорности”, но в своих выводах шел непоследовательно и сама константа-допущение “априорности” оказывалась объяснимой только вследствие чего-то, то есть сводилась к опыту» [14, с. 159]. Каринский настаивал, что пространство и время как априорные формы чувственности постулируются Кантом догматически, т. е. берутся из неких заведомо и некритично принятых пресуппозиций, а не выводятся и обосновываются логическим путем. Иными словами, в Кантовой трактовке времени и пространства не даются достаточные основания для принятия истинности основных утверждений о них. Еще один существенный вопрос: «...почему пространство и время составляют единственные формы нашего возможного созерцания» [6, с. 50]. Не вдаваясь в подробности аргументации³, позволю себе обобщение. В философском разговоре Введенского и Каринского через тему времени раскрывалась логико-ме-

² Интересно, что Грот, разбирая характеристики времени у Канта, отмечает такой аспект: благодаря времени можно дать одной и той же вещи противоречивые определения [3, с. 259].

³ Детальный разбор представлен в монографии А.В. Шевцова [14].

тодологическая проблема обоснования начал знаний. По сути, обсуждался вопрос о природе субъекта познания и его связи с реальностью. В этих спорах философы реализовывали собственную логико-методологическую культуру, а тема времени, которая стала центральной в споре Введенского и Каринского, продемонстрировала необходимость современного полемике прочтения Канта и недопустимость его отнесения к генерации устаревших доктрин на фоне важнейших эпистемологических вызовов. Слова Введенского как раз о том, что следует «погодить сдавать Канта в архив», разве что поступить так стоит с Кантом, воображаемым в мыслях Каринского.

Еще один голос в разговоре о времени – это голос Георгия Ивановича Челпанова, которого В.А. Бажанов относит к русскому неокантианству психологистского направления. Работа Челпанова «О природе времени» (1893), вышедшая в «Вопросах философии и психологии», представляет психологическую трактовку времени. Причем Челпанов полагал, что именно психологический взгляд на природу времени может сделать феномен более зримым и уловимым для исследователя. Вероятнее всего, он имел в виду именно философское исследование, поскольку «поэтическое и математическое понимание времени больше всего препятствует установлению правильных взглядов на него» [12, с. 37]. Философские споры разгорались как раз из-за того, что различные интерпретации кантовской концепции времени в работах русских философов зачастую психологизировались. Последовательные кантианцы категорически не принимали таких интерпретаций. Например, А.И. Введенский в критической статье «О Канте действительном и воображаемом: Комментарии к “Критике чистого разума”»: (По поводу книги г. Каринского “Об истинах самоочевидных”)) видел корень искаженного, «воображаемого» представления М.И. Каринского о Кантовой концепции в том, что тот приписал Канту воззрение о существовании времени внутри нас и смотрел при этом на учение Канта именно с психологической точки зрения [1, с. 635–637, 645, 648].

Челпанов начинает свои размышления с вопроса: «Где время?» [12, с. 37] Время обнаруживает себя в нашем сознании и измеряется количеством образов. Время – это осознание продолжительности, проживание его в образах. Этот вывод Челпанов иллюстрирует при

помощи психологических примеров. Чем больше образов – тем больше кажется промежуток времени (как перед утопающим пролетает вся жизнь). В публикациях, предшествующих рассматриваемой работе, Челпанов описывает измерительные эксперименты и даже современные ему техники и приборы, позволяющие установить описываемые корреляции (см., напр.: [11]). Время тянется дольше, когда мы переживаем чувство скуки, томления, это связывается с напряжением внимания, при котором создаются образы ожидаемого явления. Как бы не воспринималась быстрота течения времени, «для сознания времени необходима связь последовательных рядов образов» [12, с. 44]. Важное замечание: этот последовательный ряд образов не является временем как таковым, это только переживание времени. Челпанов следует кантианской трактовке, хотя, как мы видели, ее однозначность дискутировалась (например, Введенским и Каринским обсуждался вопрос о том, является ли временной порядок представлений тоже представлением или все же это действительное течение времени внутри наших представлений). Согласно Челпанову, связь образов обеспечивается единством сознания, это соединение в одной мысли прошлых и настоящих состояний. Но Челпанов вместе с тем оспаривает идею о том, что время в нашем сознании может быть представлено как непрерывная линия. Это, скорее, линия прерывистая. Разного рода теоретические философские размышления о времени, при которых происходит обращение к самой идее чистого времени, т. е. пустого времени, – это, с точки зрения Челпанова, полная иллюзия. Нельзя созерцать время без всякого содержания. В этот процесс осмысления времени все равно включается то, что населяет сознание и придает ощущению времени прерывистость, неравномерность. Свою психологическую концепцию времени Челпанов отличает от Кантовой, но не отвергает совсем его подход. Он полагает, что время у Канта – это математическое время, которое бесконечно, непрерывно, однообразно. И такая классическая модель действительно конструктивна для математической и естественнонаучной эпистемологии. В рамках же гуманитарного познания время должно быть психологизировано, однако сделать это нужно строго, четко, с опорой на экспериментальную психологию.

Челпанов приходит к выводу, что сознание времени, вероятнее всего, зависит от физиче-

ской организации вообще, что именно физиология определяет характер протекания образов. В качестве мысленного эксперимента над сознанием он предлагает взглянуть на время глазами комара (высчитывает, что для комара одна секунда ощущается как наши человеческие пять часов). Но теперь, с высоты осмысления проблемы квалиа, мы понимаем, что взглянуть на мир глазами комара, по-комариному овременить его проблематично. Но и современник Челпанова Н.О. Лосский не согласился бы с сугубо физиологическим объяснением природы переживания времени. Хотя восприятие пространства и времени очень тесно связано с телесностью познающего субъекта, однако нельзя сказать, что они целиком внутрителесны. Как полагает Лосский, переживание времени столь сложно, что некоторые стороны этих переживаний являются телесными состояниями (например, зависят от деятельности мускулов глаза), а другие, «и притом самые важные (напр., связи и смена взаимодействия, заключающиеся в пространстве, времени и движении), принадлежат внетелесному миру, как он есть сам по себе» [8, с. 89]. В гносеологии Лосского предмет знания мыслится таким образом, что его данность познающему Я имеет вневременной и внепространственный характер. Ведь предмет мысли может быть событием совсем недавним, а может отстоять во времени от акта сознания на столетия (например, смерть Сократа). И в этой своей убежденности во вневременной стороне мышления Лосский в чем-то сближается с Гротом, но все же его концепция специфична, поскольку вневременная сторона мышления обусловлена вневременностью его носителя – субстанциального деятеля.

Читая Челпанова, убеждаешься, что ему свойственен особый, отличный от абстрактного и академичного стиль размышлений о времени. Его текст наполнен примерами и историями, в него вплетены риторические средства выразительности и изобразительности («прислушиваться к течению времени», поговорки «горшок, на который смотришь, никогда не закипит», «настоящее – это не молния, не острое ножа; оно есть обсерватория, находясь на которой мы созерцаем прошлое и будущее» [12, с. 46] и т. п.). Он подает тему времени в научно-популярной манере, а значит мыслит ее как близкую каждому человеку.

Борис Николаевич Чичерин в работе «Пространство и время» (1895) также подчеркивает

значимость данной темы [13]. Причем решение вопроса о природе времени имеет мировоззренческий смысл, поскольку раскрывает отношение человеческого разума к внешнему миру и абсолютному бытию [13, с. 1]. Не решив этот вопрос, нельзя подходить к исследованию наших познавательных способностей, как и самой познаваемой реальности. Исследование пространства-времени составляет «первое требование всякого философского мышления». Чичерин обращает внимание на то, что время – это такой предмет мысли, к которому мы можем подойти только косвенно, строя определения и умозаключения, т. е. логическим путем («надобно логически анализировать представление времени» [13, с. 4]), подразумевая, что предмет разговора мы не выводим из практики. Он придерживается классической картины времени, выделяя такие его свойства, как непрерывность, равномерность, бесконечность, а также солидаризируется с Кантом, определяя время как «прирожденную умозрительную форму». При этом в идеях Чичерина просматриваются некоторые переключки с Челпановым, поскольку Чичерин тоже обнаруживает время как последовательность чего-либо (напомню, что у Челпанова это последовательность образов). Чичерин, как и многие другие авторы, связывает с темой времени исследование действий нашего мышления. Временем, как констатирует Чичерин, «определяется не только познание внешних явлений, но и познание внутреннего нашего мира и собственного мышления» [13, с. 6]. Но при всем этом он продвигается в направлении, критическом по отношению к тому пониманию, которое сам Чичерин приписывает Канту. Его не удовлетворяет субъективность времени у Канта, ведь помимо того, что время – это умозрительная форма представлений, согласно Чичерину, следует также признать, что во времени обнаруживается и объективная, метафизическая сторона. Причем прошлое и будущее живет внутри субъекта, а объективный процесс проходит полностью в настоящем. Мы не можем сомневаться в объективном значении законов природы, поэтому должны признать время атрибутом абсолютного Духа [13, с. 12]. Это абсолютное начало, которое независимо от частных сил, но дает им закон. Таким образом, природа времени субъективно-объективная.

Тема времени в конце XIX – начале XX вв. обнаруживает себя даже в логических штудиях. Так, С.И. Поварнин, типологизируя со-

временные ему логические учения, отмечает, что психологистские концепции логики неизбежно обращаются к исследованию актов и процессов мышления. Такие модели были представлены в университетской философии (Грот, Челпанов). Но «если логика имеет дело с актами или процессами мышления, то с исследованиями ее всегда (незаметно или открыто) связано понятие субъекта мышления. Ведь процессы эти не существуют отдельно, а всегда суть мои, твои, наши, человеческие вообще процессы» [9, с. 604]. Построения такого типа Поварнин именует «логика актов мышления», «логика субъекта» или «субъектная логика», а также, что особенно важно в связи с рассмотрением темы времени, считает такие логики «динамическими», т. е. овремененными [9, с. 603]. Причем под субъектом понимается индивидуальный эмпирический субъект, а с ним работает в первую очередь психология. В психологистских логиках (например, в логике Г.И. Челпанова) умозаключение представляется процессуально. Это связь мыслей, развернутая во времени. И даже сама мысль, при помощи которой познаются изменчивые явления, изменяется своим особым образом. Интересно, что это описание Челпановым процессуальности умозаключения, свойственной психологистским логикам, совершенно расходится с убеждениями его наставника и отнесенного к логикам-психологистам Н. Грота. Последний полагал неправильным определять мышление как ряд умозаключений, т. е. процесс, совершаемый во времени. Ведь само мышление пребывает вне времени, оно имеет доступ к истине, к Вечности.

Противоположностью такой «динамической» логики субъекта является выделяемый Поварниным тип объектной (антипсихологистской) логики, в рамках которой проводится четкое разграничение содержания и предмета мысли. Предметы мысли в таких моделях логики – понятия, суждения, умозаключения с их законами и сочетаниями, конечно, вневременны.

Интересна еще одна область приложения размышлений о времени в кругу русских университетских философов. Одной из проблем, волновавших умы на рубеже XIX–XX вв., была проблема чужой одушевленности, чужого Я (например, имела место дискуссия по этому поводу вокруг работы А.И. Введенского «О пределах и признаках одушевления: Новый психо-физиологический закон в связи с вопросом о

возможности метафизики» (1892)). Разобраться с проблемой чужой одушевленности отстраненно не представляется возможным, специфика предмета исследования всякий раз порождала усилия по выработке методологий, отличных от простой интроспекции, требовался выхода за пределы собственного Я. В этом контексте, например, для Лосского тема времени была необходима как раз для развития метафизики души. И главная проблема заключается в восприятии времени: и душа собственная, и душа имярека бессмертна. Это, конечно, вопрос мировоззренческого выбора. Но если предположить, что это так, то мы склонны переносить на всякое Я временный характер наблюдаемых событий, поэтому мыслим понятие вечности применительно к душе неточно, смешивая «вечность с чрезвычайной длительностью» [7, с. 499] Человек существует в двух мирах – временном и вечном, но сложность заключается в том, что он способен отчетливо наблюдать только временную данность. О бессмертии души мы способны сказать только, что оно существует. Но из того, что мы имеем в знании о временном, мы можем предположить, что вечное является чем-то «гораздо более богатым, чем временная жизнь» [7, с. 501] И таким образом через темпоральные размышления Лосский приходил к решениям многих вопросов внутри своей концепции идеал-реализма, в том числе – к обоснованию общности Я и не-Я через свободу субстанциального деятеля от времени.

Итак, тема времени оказалась очень важной как в связи необходимостью современного прочтения Кантовой философии, так и в связи со становлением самобытных философских концепций в России конца XIX – начала XX вв. Череда работ о времени концентрируется в 1890-х гг. и в начале XX в. Тема времени включается в концептуальные тексты, отражающие суть авторских философских доктрин, дискуссий, причем области приложения результатов темпоральных размышлений в них различны: логико-методологические, философско-психологические исследования, метафизические размышления. Становление гуманитарной эпистемологии, значимость неокантианства в этом процессе, а также задачи, решаемые внутри самобытных русских философских концепций, потребовали переосмысления устоявшейся Кантовой парадигмы времени и принятия во внимание новых зарубежных идей (например, А. Бергсона и Э. Гуссерля).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Введенский А.И. О Канте действительном и воображаемом. Комментарий к «Критике Чистого Разума» // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 25. С. 621–660.

2. Грот Н.Я. О времени // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 23. С. 381–417.

3. Грот Н.Я. О времени // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 24. С. 248–280.

4. Грот Н.Я. О времени // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 25. С. 445–493.

5. Кант И. Критика чистого разума. М.: Наука, 1999.

6. Каринский М.И. По поводу полемики проф. Введенского против моей книги «Об истинных самоочевидных» // Журнал Министерства народного просвещения. 1896. Ч. 303. С. 243–290.

7. Лосский Н.О. Идея бессмертия души как проблема теории знания // Вопросы философии и психологии. 1910. Т. XXI. Кн. 104. С. 488–503.

8. Лосский Н.О. Обоснование интуитивизма // Избранное. М.: Правда, 1991. С. 13–337.

9. Поварнин С.И. Введение в логику // Сочинения. СПб.: Институт иностранных языков, 2015. С. 593–648.

10. Соколов П. К вопросу о задачах и методах психологии // Вопросы философии и психологии. 1893. Кн. 16. С. 39–55.

11. Челпанов Г.И. Измерение простейших умственных актов // Вопросы философии и психологии. 1891. Кн. 9. С. 19–57.

12. Челпанов Г.И. О природе времени // Вопросы философии и психологии. 1893. Кн. 19. С. 36–54.

13. Чичерин Б.Н. Пространство и время // Вопросы философии и психологии. 1895. Кн. 26. С. 1–56.

14. Шевцов А.В. М.И. Каринский и русская гносеология конца XIX – начала XX вв. М.: Мир философии, 2017.

2. Grot, N.Ya., 1894. O vremeni [On time], Voprosy filosofii i psikhologii, Vol. 23, pp. 381–417. (in Russ.)

3. Grot, N.Ya., 1894. O vremeni [On time], Voprosy filosofii i psikhologii, Vol. 24, pp. 248–280. (in Russ.)

4. Grot, N.Ya., 1894. O vremeni [On time], Voprosy filosofii i psikhologii, Vol. 25, pp. 445–493. (in Russ.)

5. Kant, I., 1999. Kritika chistogo razuma [Critique of pure reason]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

6. Karinskiy, M.I., 1896. Po povodu polemiki prof. Vvedenskogo protiv moei knigi «Ob istinakh samoochevidnykh» [Regarding prof. Vvedensky's argument against my book «On self-evident truth»], Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya, no. 303, pp. 243–290. (in Russ.)

7. Lossky, N.O., 1910. Ideya bessmertiya dushi kak problema teorii znaniya [The idea of the soul's immortality as a problem in the theory of knowledge], Voprosy filosofii i psikhologii, Vol. 21, no. 104, pp. 488–503. (in Russ.)

8. Lossky, N.O., 1991. Obosnovanie intuitivizma [The intuitive basis of knowledge]. In: Lossky, N.O., 1991. Izbrannoe. Moskva: Pravda. (in Russ.)

9. Povarnin, S.I., 2015. Vvedenie v logiku [Introduction to logic]. In: Povarnin, S.I., 2015. Sochineniya. Sankt-Peterburg: Institut inostrannykh yazykov. (in Russ.)

10. Sokolov, P., 1893. K voprosu o zadachakh i metodakh psikhologii [To the issue of tasks and methods of psychology], Voprosy filosofii i psikhologii, Vol. 16, pp. 39–55. (in Russ.)

11. Chelpanov, G.I., 1891. Izmerenie prosteishikh umstvennykh aktov [Measurement of the simplest mental acts], Voprosy filosofii i psikhologii, Vol. 9, pp. 19–57. (in Russ.)

12. Chelpanov, G.I., 1893. O prirode vremeni [On the nature of time], Voprosy filosofii i psikhologii, Vol. 19, pp. 36–54. (in Russ.)

13. Chicherin, B.N., 1895. Prostranstvo i vremya [Space and time], Voprosy filosofii i psikhologii, Vol. 26, pp. 1–56. (in Russ.)

14. Shevtsov, A.V., 2017. M.I. Karinskiy i russkaya gnoseologiya kontsa XIX – nachala XX vv. [M.I. Karinsky and Russian epistemology of the late XIXth – early XXth century]. Moskva: Mir filosofii. (in Russ.)

REFERENCES

1. Vvedensky, A.I., 1894. O Kante deistvitel'nom i voobrazhaemom [On Kant, real and imaginary], Voprosy filosofii i psikhologii, Vol. 25, pp. 621–660. (in Russ.)